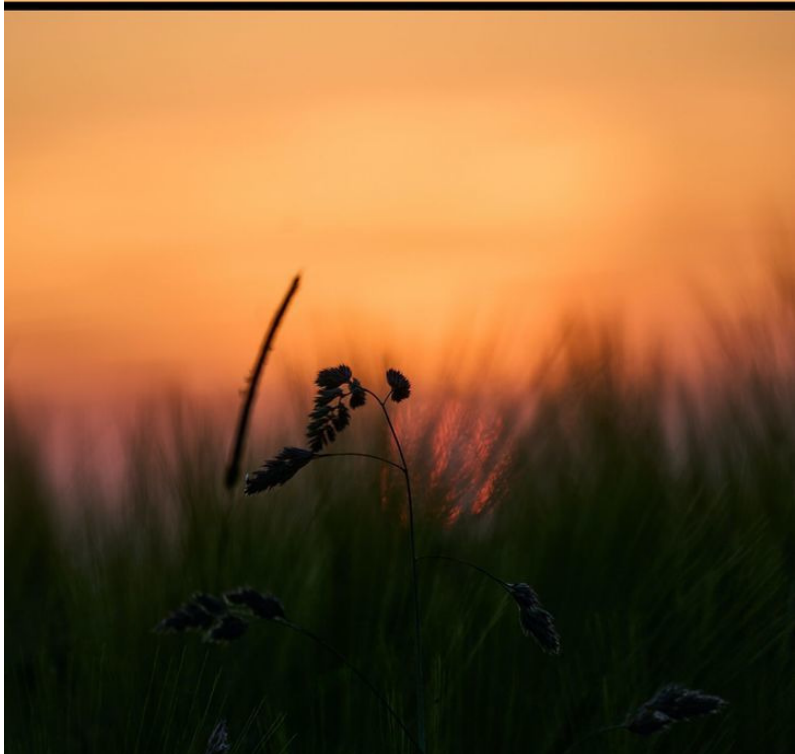

18+

МАРИЯ НИКОЛАЕВА

Когда-нибудь я стану взрослой

Мария Валерьевна Николаева

Когда-нибудь я стану взрослой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70241317

ISBN 9785006205987

Аннотация

В книгу вошли стихи, написанные за последние несколько лет. Автор пишет обо всём, что её волнует. В сборнике вы найдете стихи о любви, дружбе, размышления о человеческих взаимоотношениях. Они пронизаны верой и надеждой на то, что всё будет хорошо.

Содержание

«Когда-нибудь я стану взрослой...»	7
«Поговори со мной, мой ангел...»	9
«Мальчики и девочки, умные, красивые...»	10
«Напеку я стихов к сентябрю...»	11
«Потанцуй со мной фламенко...»	13
«Не хороните меня за плинтусом...»	14
«Мне сегодня хочется проснуться...»	16
«Виски янтарные, дождь за окном...»	18
«Я иду за тобой, спотыкаясь и падая...»	19
«Рай, когда не через край...»	20
«Мы не были с тобою параллельными...»	21
Сыну	22
«Прости, но мне уже намного лучше...»	23
«Если б не было меня и тебя...»	24
«Тебе не будет скучно никогда...»	26
«Твой пульс сливается с дождем...»	27
«В твоём окне – мое спасенье...»	28
«Ты – суета, ты – беспокойство...»	30
«Скажи мне, сколько нужно...»	31
Детка моя, не плачь	33
«Нетривиальные способности...»	34
«От веселых потешек из-за Божьего гнева...»	35
«Гуси-лебеди, хмели-сунели...»	36

«Трусость – ведь это прекрасно...»	38
«Когда перевалило за полсотни...»	39
«Я не люблю сухие вина, Селин Дион не мой кумир...»	40
«Бутылку рома в снегу под елкой...»	41
«Закрой глаза. Есть только звук...»	42
Лето	43
«Бредет человек на работу...»	44
«Степь...»	46
«По ком звонит сегодня колокол?...»	47
«Как это так получается?...»	48
«Когда перевалило за полсотни...»	50
«Попробуй со мной поспорить о том...»	51
«Москва, разве ты такая...»	53
«Будь что будет, кукушка торопится...»	54
«Коней на переправе не меняют...»	55
«Когда-то в голубой далекой спальне...»	56
«Ты опоздал на целое мгновенье...»	58
«Я иду по перрону...»	60
«Садись и слушай...»	62
«Красивые женщины плачут...»	63
«Божий промысел не бесконечен...»	64
«Собаки лают, караван идет...»	66
«Погадай мне на кофейной гуще...»	67
Пасха	68
«Сколько раз начинаю...»	69

«Мальчик с грустными глазами...»	70
Сыновьям	72
Маски сброшены	73
Какого цвета счастье	74
Еще совсем немного и смирится	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Когда-нибудь я стану взрослой

**Мария Валерьевна
Николаева**

© Мария Валерьевна Николаева, 2023

ISBN 978-5-0062-0598-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Когда-нибудь я стану взрослой...»

Когда-нибудь я стану взрослой,
Лет через двадцать, двадцать пять.
Уйду на пенсию
И сяду носки и варежки вязать.
Надену мягкие бабуши,
Жакет и чепчик в кружевах,
Найду отраду в звуках джаза
И грусть в несказанных словах.
Покрашу волосы лиловым
И отращу солидный дзен.
Отправлюсь в славный город Брюгге,
Дай Бог откроется шенген.

Перечитаю Кастанеду,
Пересмотрю «Бойцовский клуб».
Издам стихи и мемуары,
Залью видосы на «Ютьюб».
Мне не освоить мотоцикл
И не взойти на Эверест.
Навряд ли прыгну с парашютом
Или пройду опасный квест.
Мне не грозит заплыв в Ла-Манше
Или нирвана в Катманду.
Я не форсирую события,

Ну, разве только внуков жду.

«Поговори со мной, мой ангел...»

Поговори со мной, мой ангел.
Коснись плеча едва крылом.
Вокруг тебя команда в белом,
А ты, похоже, в голубом.
Небесный, цвета океана
И колокольчиков в степях,
Ты долго выбирал клиента,
Или случилось второпях?
Раздали бедных и богатых,
Блаженных, злобных, никаких.
Осталась девочка-болтушка,
Отверженка в стране глухих.
Ты угадал меня, я знаю,
Мой ангел, стражник, камертон.
Спасибо, что не улетаешь,
Не оставляешь за бортом.
Поговори со мной беззвучно,
Пусть будет мание крыла.
Пока ты рядом, я спокойна и, кажется,
Не умерла...

«Мальчики и девочки, умные, красивые...»

Мальчики и девочки, умные, красивые,
Что же вы уехали из своей России?
Сколько евро, шекелей, лари или тугриков
Обещали прибывшей на чужбину публике?
Слаще ли пирожные утром в сонном Римини?
В старбаксе стаканчики теперь с новым именем?
Не щемит, не йокает вдалеке от Родины?
Сколько ей, неприбранной, быть еще уродиной?
Сколько, подпоясавшись кушаками старыми,
Воевать по памяти, как тогда с татарами?
Есть здесь кофе бархатный, круассаны, бургеры,
Ролексы, пентхаусы, рядовые бюргеры.
Есть Чайковский, Лермонтов,
Васнецов и Павлова,
Только гордость вящими не заменит главного.
Полюби их, Родина! Девочек и мальчиков.
Не считай умчавшихся за тупых болванчиков.
Им не надо многого, мира б только честного,
Правды незасуженной, ангела Небесного.

«Напеку я стихов к сентябрю...»

Напеку я стихов к сентябрю.
Пышных, сладких, румяных и сочных.
Буду быстро их печь, второпях,
Без затей и страданий полночных.

Буду смешивать радость, любовь,
Добавлять по щепотке везенья,
Разбавлять родниковой водой
И варить из улыбок варенье.

Эта патока будет со мной
Как рецепт абсолютного счастья.
Буду их доставать и читать,
Красной ниткой вязать на запястье.

А тебе я оставлю стихи
Из полыни и горького перца,
Имбиря и травы-лебеды
Для леченья холодного сердца.

Принимай их с утра натощак,
Принимай перед сном по стакану.
И как только лечение спасет,
Я писать их совсем перестану.

«Потанцуй со мной фламенко...»

Потанцуй со мной фламенко.
Ничего, что я – любитель,
Ничего, что ты – идадьго
Или просто небожитель.
Персы знали толк в приправах
И вложили в малагенью
Вкус гвоздики и корицы
И немного халапеньо.
В полумраке душных комнат,
В полумгле парадных залов
Только туфель звук и сердца
И касание бокалов.
Рук слиянье, губ открытость
И испанской юбки шорох.
Через звуки, через поры
Проникает в душу морок.
Потанцуй со мной фламенко,
Если мы еще живые.
Ничего, что я любитель.
Всё когда-нибудь впервые.

«Не хороните меня за плинтусом...»

Не хороните меня за плинтусом.
Там пыльно, сыро, возможны тараканы.
Не хочу утром слушать соседские ссоры,
Вечером бьющиеся стаканы.

Не хороните меня за плинтусом.
Там душно, грустно, возможны мыши.
По ночам они выходят в поисках еды,
Утром их караулит кот, живущий на крыше.

Не хороните меня за плинтусом.
Там одиноко, темно, сквозняки возможны.
Утром придет мужик —
Приладить плинтус к стене,
И к ночи пространство сузится безнадежно.

Не хороните меня за плинтусом.
Я совершенно не та по размерам.
Мне бы подвиги еще совершать,
На худой конец строить карьеру.

Не хороните меня за плинтусом.
Нет, ведь правда это дурная затея.

Тем более что место занято давно.

Но если что, есть еще батарея.

«Мне сегодня хочется проснуться...»

Мне сегодня хочется проснуться
И забыть число и время дня,
Если не получится с избою,
На скаку придерживать коня.

Выплакать из глаз зеленых морок,
Нацепить улыбку до ушей.
И гулять до рыжего рассвета,
Вытолкав разборчивость взащей.

Спотыкаться о сплошные лужи,
Ободрав до мяса каблуки,
Продолжать идти к безумной цели,
Как умеют только дураки...

Упиваться этой детской сказкой
И смеяться до счастливых слез,
Понимая – рано или поздно
Всё это закончится всерьез.

Мне сегодня хочется проснуться
И понять, что сон не наяву.
Мне ведь нужно очень-очень мало.

Я дышу, а значит, я живу...

«Виски янтарные, дождь за окном...»

Виски янтарные, дождь за окном,
Стол под зеленым протертым сукном.
Старые тапки в углу у двери.
Трудно быть Богом, и не говори!

Кофе, разбавленный дымом Житан,
Полупустой или полный стакан.
За слюдяной непрозрачностью дней
Бог затерялся средь ярких огней.

Запахи кухни сквозь привкус тоски
И потерявшие пару носки.
Больше не Бог, но и не человек,
И не вернешься как минимум век.

«Я иду за тобой, спотыкаясь и падая...»

Я иду за тобой, спотыкаясь и падая.
Без огня, без тепла, без намека на свет.
Если б знать тот вопрос,
Что ты так и не задал мне,
Я бы все отдала и нашла бы ответ
Я бы утром вставала с такими молитвами,
Что вернут мне тебя без условий и цен,
Без полночных звонков,
Без погони за призрачным,
Без дурной маеты и копеечных сцен.
Я не знаю, когда это просто закончится,
Оборвется и станет простым дежавю.
И опять я гнездо, словно птица дотошная,
Среди майской листвы непременно совою...

«Рай, когда не через край...»

Рай, когда не через край,
Когда есть предел и точка.
Рай, когда легко дышать
И писать слова и строчки.
Рай, когда ты рядом спишь
И дурачишься спросонок.
Рай, когда годам назло
Ты в душе большой ребенок.
Рай, когда твоя семья —
И надежда, и отрада.
И не верится самой,
Что мне большего не надо.

«Мы не были с тобою параллельными...»

Мы не были с тобою параллельными,
Иначе б не случилось точки «а»,
В которой происходит столкновение,
Всё остальное – мысли и слова.

Не расшибая лбов, без искр и пламени,
Без пафосных уходов в никуда
Сошлись непараллельные вселенные,
Когда упала млечная звезда.

Двенадцать тысяч раз Земля
Ворочалась вокруг своей оси за годом год,
Пока мы привыкали к непохожести
И находили выход там, где вход.

Звезда, упав, потухла и растаяла,
Секунды, чтоб желанье загадать,
И целой жизни мало, чтоб исполнилось,
И целой жизни хватит, чтобы ждать.

Сыну

Мой мальчик, жизнь не бесконечна,
Зато бездонна и трудна.
Когда-нибудь я стану старой
И сяду бабкой у окна.
Перебирая мемуары,
Листая памяти листы,
Я буду ждать, когда о маме
В своей мороке вспомнишь ты.
Зайдешь, обнимешь, сядешь рядом,
И мы с тобой поговорим
О непогоде и природе,
О чем-то ясном нам одним.
Пока же старость не случилась
И есть надежда впереди,
Прошу тебя, будь просто рядом
И просто чаще заходи.

«Прости, но мне уже намного лучше...»

Прости, но мне уже намного лучше.
Я не встречаю каждый день зарю.
Пью кофе с сахаром и делаю зарядку.
Все чаще выпиваю, а не ПЬЮ.

Прости, меня, похоже, отпустило.
Не верилось, что может отболеть.
Мне хочется опять играть на скрипке,
Дурачиться и в душе песни петь.

С листвой опавшей улетает время.
Часы, минуты больше не балласт.
Пусть кто-нибудь тебе любви отмерит,
А не случится, может, Бог подаст.

«Если б не было меня и тебя...»

Если б не было меня и тебя
Ни тогда, ни сейчас, ни после,
Я бы просто жила в своем тихом мирке
И к подругам ходила в гости.

Я бы просто пила вечерами вино
В одиночестве гордом и страшном,
Занималась какой-нибудь ерундой,
Обрастая добром сермяжным.

Просыпалась от страха остаться одной,
И все именно так случалось.
А моя нерастраченная любовь
Так ни с кем бы не повстречалась.

Лучше б мне тогда чуточку опоздать
И с тобой навсегда разминуться
В душном баре, где лабух стонал про мечты
И про то, как легко свихнуться.

Не пошло бы все так наперекосяк,
Будто не было в жизни света, а теперь он внутри,
По-другому никак.
Но спасибо тебе за это.

«Тебе не будет скучно никогда...»

Тебе не будет скучно никогда,
Ты не заснешь за чтением газеты.
Не сочиняй, ведь у тебя есть я —
Стихи, катрены, басни и куплеты.
Не пой — я твой дежурный соловей.
Баллады, рок, застольные и блюзы.
С холодным сердцем, ясной головой,
Уйдя в отрыв, от всех задравив шлюзы.
Не знай — я знаю коды наперед.
Твой шифр давно разгадан и заблокирован.
Преумножают знания печаль,
А с этим до сих пор у нас не очень.
Не жди. Придут и сами все дадут.
И я не жду, мы в этом солидарны.
Тебе не будет скучно никогда.
К тому же все газеты так бульварны!

«Твой пульс сливается с дождем...»

Твой пульс сливается с дождем.
Я слышу капель стук и сердца.
Ты и стихия – две сестры,
Сообщницы, единовѣрцы.
Негласным правилам верна,
Всегда в тоске, всегда в разлуке,
Стена из зябкого дождя
Кому-то согревает руки.
Кому-то рай, кому-то ад,
Огонь и лёд, тупик и выход.
Стучит по крыше дождик-пульс,
И на душе легко и тихо...

«В твоём окне – моё спасенье...»

В твоём окне – моё спасенье.
Пока в нём свет, мне не темно.
Он согревает, не сжигая.
Как солнце, что утомлено.

В твоих руках – моя надежда
На то, что можно просто ЖИТЬ.
Мне без неё никак не выплыть,
Когда вдруг оборвется нить.

В твоих глазах – мои разгадки
Тех тайн, которых больше нет.
И я не знаю, было ль нужно
Мне знать единственный ответ.

В твоей улыбке – мой наркотик
Ото всего, что так болит.
Не прячь её за миллионом
Глупейших, маленьких обид.

Оставь мне свет. Сомкни ладони.
Глаза в глаза не надоест.
И улыбайся, улыбайся...
Мой неприступный Эверест.

«Ты – суета, ты – беспокойство...»

Ты – суета, ты – беспокойство,
Ты – бесконечный красный свет.
Ты обжигаешься так часто,
Что гладкой кожи больше нет.
Нет глаз, прищуренных на солнце,
Нет смеха, звонкого как лед,
Нет безразличия к провалам,
Есть только прерванный полет.
Где тонко, там всегда и рвется,
Где гулко, там не слышно нот,
А мне остались только строчки
Твоих стихов как антидот.

«Скажи мне, сколько нужно...»

Скажи мне, сколько нужно.
Скажи мне, сколько можно
Травить меня любовью,
Вводить её подкожно.

Скажи, из скольких литров,
По рюмке, в полстакана,
Мне ставилась прививка
От вечного обмана.

Скажи, как мне остаться
Живой и не свихнуться.
Когда-то и деревья
Под ветром низко гнутся.

Скажи, ведь это просто —
Идти по жизни фартом,
Не мучиться тоскою,
Горячкой и инфарктом.

Скажи, где взять отвара
От этой безнадёги.
Как было бы все просто,
Зачем тогда нам Боги.

Детка моя, не плачь

Детка моя, не плачь.
Это лишь пробный шар
В череде проигранных партий...
Ты еще будешь первую скрипку играть
В оркестре судьбы.
И менять без конца
Образцы договоров, контрактов и хартий!
Это все отболит,
Как хирургом однажды искусно зашитая рана.
Это станет золой в той печи,
Где вы спешно сжигали
Свидетельства лжи и обмана.
Даже если нет сил, даже если нет слов
И остались лишь жесты,
Осторожно иди, без оглядки беги,
Что есть силы лети обживать обретенное место.
Детка моя, мы все вне заслуг,
Вне наград и регалий
Всё равно совершаем свой путь
И последними будем едва ли.

«Нетривиальные способности...»

Нетривиальные способности
Тебе дарованы судьбой,
Но ты с упорством обреченного
Ведешь неравный с ними бой.

Ты сторонишься дара Божьего,
Чтоб стать таким же, как и все,
Плыть потихоньку по течению,
Не мчать по встречной полосе.

Сквозь гавань тихую и сонную
Как шпала ровный ляжет путь,
А ты забудешь настоящего
Себя, увы, когда-нибудь.

И будет знать одна Вселенная,
Та, что тебе была мала,
Куда ушло необратимое,
По ком звонят колокола...

«От веселых потешек из-за Божьего гнева...»

От веселых потешек из-за Божьего гнева
Снова всех отлучили, Как Адама и Еву.
Может,мышь, может, крот,
Может, оба и сразу,
В Поднебесной чихнув, мир накрыли заразой.
Не сбежать, не уплыть,
Вирус – маска, локдаун.
Никаких тет-а-тет, посиделок и саун.
Кто-то сходит с ума в одиночку и вместе,
Кто-то ринулся в бой, как в заезженной песне.
Мало воздуха, страх, суета, аносмия
И не в книжках, а здесь, за окном, – пандемия.
Уходи по добру, високосный, крысиный.
Хочешь черной икры, «Периньон», апельсины?
Забирай и иди, помяни или празднуй,
Нам надежду оставь
Хоть на спутник двухфазный.
Хоть на русский авось и проверку на вшивость.
Всё равно будет день
Смены гнева на милость.

«Гуси-лебеди, хмели-сунели...»

Гуси-лебеди, хмели-сунели,
Дочки-матери, ритм-энд-блюз.
Сколько всякой намешано всячины
В наш с тобой в четверть века союз!
В результате небесной селекции
Или прихоти высшей из сил
или прихоти высшей из сил
Каждый то получил, что заслуживал
И о чем у Вселенной просил.
Иногда параллельные сходятся,
Пересечься не всем суждено,
Только мы вопреки геометрии
Столько лет уж с тобой заодно...
Столько съедено вишни и выпито
Всевозможной бурды и «Клико»,
Столько сказано и пересказано,
А мне так же тепло и легко.
Мне не страшно толстеть и прихрамывать,
Мне не страшно грустить и болеть...
Потому что мне есть с кем состариться,
Даже если потом умереть.
Столько всякой намешано всячины
В наш с тобой в четверть века союз,
Приезжай, уже стынут оладушки,

И пускай будет все ритм-энд-блюз.

«Трусость – ведь это прекрасно...»

Трусость – ведь это прекрасно.
Тихо сидишь себе в танке.
Нервы не тратишь напрасно.
Копишь проценты в Сбербанке.
Голоса не повышаешь,
Правду не режешь и матку,
Веришь всему, если хочешь,
И призываешь к порядку.
Уровень «бог» пустодушья,
Уровень «неуч» в марксизме.
Не был замечен на кухнях
И не силен в альтруизме.
Сухо, не зябко и сыто.
Пьяно случается тоже.
Старше лихих девяностых
Или намного моложе.
Разве так важно, откуда,
С кем ты и сколько ты прожил.
Кто-то нашел знаменатель и
За тебя подытожил.

«Когда перевалило за полсотни...»

Когда перевалило за полсотни,
Уходит много страхов навсегда.
Не страшно незамеченной остаться,
Не страшно не дожидаться слова «да».
Плевать на суету, возню и лепет.
Так хочется событий, а не сцен.
Сразить, затмить, уйти, не попрощавшись,
И выглядеть как дивная Марлен.
Не прятаться в подтяжки и утяжки,
Стареть красиво – тоже мастерство.
Остаться на исходных позитурах,
Надолго сохраняя статус-кво.
Все то, что бредило, отболело.
Все то, что не случилось, карме в плюс.
Намеченную массу впечатлений
Еще есть время пробовать на вкус.

«Я не люблю сухие вина, Селин Дион не мой кумир...»

Я не люблю сухие вина, Селин Дион не мой кумир.
Возможно, я поеду в Сочи
И расплачусь по карте «Мир».
Меня не бесят либералы,
Но раздражают чудачки,
Они всегда про всех все знают,
Им жить так, видимо, с руки.
Люблю Москву, когда на дачи случился массовый исход.
Не для меня плоты, байдарки и романтический поход.
Я с детства плохо рисовала: и угол мимо, и овал,
Люблю миндальный капучино,
Чтоб утром муж поцеловал.
Собаки мне милей, чем кошки,
При виде змей бросает в дрожь,
Я не прощаю лицемеров и различаю фальшь и ложь.
Не сотворив себе кумиров, ценю доступность и кураж.
Принадлежу к числу счастливых
И самых въедливых мамаш.
Полвека в поисках дороги, полжизни в поисках себя,
Спасибо, если дочитали, привет, ребята, это я!

«Бутылку рома в снегу под елкой...»

Бутылку рома в снегу под елкой
Мы закопали давным-давно.
Декабрь выюжил, ты был простужен,
Но потихоньку курил в окно.
Холодный ветер врывается в кухню
На старой даче поселка Рай,
В раю прекрасно, но было ясно,
Все слишком «пере», все через край.
Шарфы на печку, в подсвечник свечку
И перебранки до хрипоты.
Нам восемнадцать, и эта данность
Не избавляет от прямоты.
Пройдет полвека, и дровосеки
В лесу окрестном поселка Рай
Найдут бутылку во мху и листьях,
Переглянутся, ну, наливай!

«Закрой глаза. Есть только звук...»

Закрой глаза. Есть только звук.
Унылый дождь как босанова.
Он бесконечен, стыл как лед
И будет завтра здесь и снова.
Дождь обволакивает сад,
Пустеет старая веранда.
Почти что лондонский туман,
Почти что джазовая банда.
Как медитация, как гимн
Ушедшим солнечным пейзажам.
Когда иссякнут закрома,
Мы музыки еще закажем.
На бис – ветра, рефреном – град,
Как залихватские дробушки.
А ты с пластинкой и бордо,
Шуршат пуховые подушки.
Есть только звук. Уходит сон
С дождливой музыкой в ночное.
Замрет игла на тремоло.
Теперь штрафное!

Лето

Попрощались.

Пока. Ты вернешься?

Девять месяцев? Целая жизнь.

Вспоминай обо мне, мы похожи,

И, смотри, сгоряча не женись.

Уберу в чемоданы на полки всё,

Что может напомнить те дни,

Когда мы наслаждались друг другом

Посреди суетной беготни.

От тебя было столько подарков —

Море, солнце, ночной звездопад.

Я могла подарить тебе время, но

Ты здесь лишь на девять декад.

Ты вернешься, ведь так не бывает,

Чтобы радость ушла навсегда,

Тридцать первого мая накрашусь,

Сяду ждать, чтоб сказать тебе «да».

Ты ворвешься, распахнуты окна,

Птицы сходят с ума от любви,

Лето, мы не прощаемся, слышишь?

Если будешь проездом, зови!

«Бредет человек на работу...»

Бредет человек на работу
В конторку из двух помещений.
В раздолбанной старенькой «Ниве»
К заутрене едет священник.
По сельской размытой дороге
Пешком, матерясь от бессилья,
Идет участковый на службу,
Защитник от зла и насилия.
По-чеховски мелко и жалко
И длится столетия кряду
Нелепое существованье
С высоким процентом по вкладу.
Священнику вроде бы легче,
Он праведник с верой и честью.
А сельский инспектор опасен,
Он всех расстрелял бы на месте.
За то, что они туповаты,
Воруют и пьют беспробудно,
За то, что он точно такой же
И это грешно и паскудно.
Бредет человек на работу,
Как старый унылый савраска,
И каждому хочется счастья,
И каждому грезится сказка.

«Степь...»

Степь.

Почему мне так хочется выйти и крикнуть:

#####«Свобода»?

Будто я не жила или все проспала сгоряча.

А теперь разнотравье въедается в поры и мысли,

Чтобы вылечить разом от хворей и дум без врача.

Степь.

Будто скатерть цветастая в стопке на полке,

До поры не берешь, а потом на столе пестрина.

И от края до края тягучее марево льется,

А под ним стрекотанье цикад дотемна.

Степь.

Гармонична, сурова, просторна, волшебна,

Сколько красок и воздух,

Сбивающий радостно с ног.

Мои корни, сплетенные в узел, оттуда,

Прапрапра иной раз обнажает точеный клинок.

Степь.

Есть где руки раскинуть и сделаться птицей.

Пролететь не спеша поутру над ковыльной волной.

Ничего нет прекрасней свободы и веры.

Я проснулась и вряд ли я буду иной.

«По ком звонит сегодня колокол?..»

По ком звонит сегодня колокол?
Ты в списке или пронесло?
Наивность, схожую с безумием,
Могло бы выдолбить тесло.
Но трепанация не справится,
Когда в крови особый ген.
Не дай вам Бог с собой не справиться
И жить в эпоху перемен.
Пока что колокол не ухает,
Почти что жалобно поет.
Не ждите умопомрачения,
Когда набатом громыхнет.
Любовь спасает мир и грешников,
Попробуйте любить себя,
Который год на небе ангелы не спят,
Стеная и трубя.

«Как это так получается?..»

Как это так получается?
Целая жизнь за мгновение.
Я у тебя пересмешница,
Ты для меня – вдохновение.
Я хлопотунья, проказница,
Ты – образец беззаветности.
Детям, собакам, родителям,
Мне, твоей лучшей из светлостей.
Знаешь, так редко случаются
Просто прогулки и ужины...
Пусть без свечей и шампанского,
Устриц молочных по дюжине.
Редко случается шепотом просто
Сказать что-то нежное.
Вместе паркетник откапывать
В утро промозглое, снежное.
Вместе поплакать над «Хатико»,
Вместе нарезать салатики.
Переболеть недоверием
Без распашной симптоматики.
Нам ли не знать цену близости,
Плотской, душевной, губительной.
Я до сих пор влюблена в тебя,
И это так упоительно!

«Когда перевалило за полсотни...»

Когда перевалило за полсотни,
Уходит много страхов навсегда.
Не страшно незамеченной остаться,
Не страшно не дожидаться слова «да».
Плевать на суету, возню и лепет.
Так хочется событий, а не сцен.
Сразить, затмить, уйти, не попрощавшись,
И выглядеть как дивная Марлен.
Не прятаться в подтяжки и утяжки,
Стареть красиво – тоже мастерство.
Остаться на исходных позитурах,
Надолго сохраняя статус-кво.
Все то, что бредило, отболело.
Все то, что не случилось, карме в плюс.
Намеченную массу впечатлений
Еще есть время пробовать на вкус.

«Попробуй со мной поспорить о том...»

Попробуй со мной поспорить о том,
Как устроен мир.
Могу одолжить учебник, зачитанный
Сплошь до дыр.
В нем Дарвин, Эйнштейн и Полинг
Слегка приоткрыли дверь.
Не слушай досужих споров
И в истинность меньше верь.
Возможно, наш мир придуман,
Возможно, сошел с ума.
И если захлопнуть двери,
Останется только тьма.
Не будет ни звезд, ни неба,
Ни моря, ни синих гор,
Сотрется живая память,
Как выгоревший узор.
Вселенная на бумаге совсем не похожа на ту,
Что ты для себя открываешь,
Гоняя оливку во рту,
Строгая рубанком доски,
В тупик загоняя хворь.
Лишь так ты живешь и дюжишь.
И больше со мной не спорь!

«Москва, разве ты такая...»

Москва, разве ты такая:
Резиновая, без границ?
Пускай ты слезам не веришь,
Но столько недобрых лиц.
Да Бог с ним, бордюром, плиткой
И пробками вечной рекой.
Откуда такая пошлость? и кто тебя сделал такой?
Зачем тебе столько гномов, еду развозящих нон-стоп?
Сегодня, сейчас, побольше!
А там после нас хоть потоп.
Вот всадник на крыльях ночи с моторчиком на колесе.
Куда он летит, безумец, по выделенной полосе?
Дворы – для машин, скамейки —
Для тех, кто давно в беде.
Московское «аканье» – редкость, привет Золотой Орде.
Гостим у себя же дома, стенаем негромко в сети.
С угрозами хлопнуть дверью, забыться, вздохнуть, уйти.
Москва, разве ты такая? Полвека любовь и боль.
Скажи мне, сама ты знаешь ответ на вопрос: «Доколь»?

«Будь что будет, кукушка торопится...»

Будь что будет, кукушка торопится,
Через миг прокукует семь раз.
Посидим на дорожку, обнимемся
И допишем короткий рассказ.
Проложной, словно поезд полуночный,
Пролетающий села в ночи,
Он не будет ни драмой, ни эпосом,
Только ты говори, не молчи.
Называй меня девочкой, дурочкой,
Ведь, по правде, не все ли равно?
Наш рассказ не расскажешь с подстрочником
И не сделаешь темой в кино.
Неизбитый сюжет, незаконченный,
Рано ставить в стеллаж за стекло.
Для тебя – это просто история,
Незатейливое ремесло.
Я слова подбираю и пробую
Каждый слог, как икринку на вкус.
Кукушонок молчит в ожидании
И мотает неспешно на ус.

«Коней на переправе не меняют...»

Коней на переправе не меняют,
Меняют ли на расстани друзей?
Теперь ты в окружении богемы:
От китчевых певичек до князей.
Гламурные аншлаги в «Инстаграме»¹,
Притворный и дежурный поцелуй.
Немного шпилек в сторону имущих,
И запевала – радостный холуй.
Когда с тобой случился этот казус?
Настолько сладок денег фимиам?
Когда-то мы на кухне пили пиво
И бутерброд делили пополам.
Мы были беззаботны и смешливы,
Ни денег, ни забот, ни ерунды.
Без комплексов непризнанных старлетов,
Без признаков заносчивой звезды.
Земля осталась круглой и махотной,
Нет-нет – да и встречаются пути.
Дай Бог тебе потерянных обрящить,
А всех неочарованных прости.

¹ Здесь и далее Инстаграм – организация, запрещенная на территории РФ.

«Когда-то в голубой далекой спаленке...»

*В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.
Александр Блок*

Когда-то в голубой далекой спаленке
Часы не шли, хранили детский сон.
Теперь года летят как сумасшедшие
За горы и моря, за небосклон.
Вчера был май, воспетый и воспрянувший.
Сегодня снова осень и туман.
Не успеваю складывать мгновенья
Ни в мемы, ни в коробку под диван.
В коробке серпантин, снежинки, лампочки,
Еще чуть-чуть – и снова Новый год.
Кто ускоряет стрелки ежеутренне?
Проказник, недоумок, кукловод?
Куда летят встревоженно мгновения?
Кого спешат догнать и перегнать?
Мы забываем жить и притормаживать
И выбираем спутников под стать.
Хоть время бесконечно и разборчиво,

Настанет день и можно не успеть
Пройти огонь и воду как положено,
У труб до блеска натирая медь.
В моей уже, увы, недетской спальне
Нет сумрака и карлик не придет.
Давно стоят задумчивые ходики
И ждут, пока их кто-то заведет...

«Ты опоздал на целое мгновенье...»

Ты опоздал на целое мгновенье.
Хоть ехал не с войны, не из тайги.
Хотел сказать дежурную банальность,
А вырвалось на вдохе: «Помоги».
Чего ты ждал? Объятий, объяснений?
Соломинку – схватился, я тащу?
Как долго может лопаться терпенье?
Забуду, снова вспомню и прощу?
Оскомину набили обещанья,
Привет прислали письма из вчера,
Они так уморительно кривлялись
В вишнево-красном пламени костра.
Поднялся ветер, разметал обрывки.
Остался привкус гари на губах.
Она меня тихонько убивала и сдюжила,
Пока ты был в бегах.
Ты опоздал, вчера дошили платье,
Раздали в храме нищим по рублю,
Пусть молятся о всех, кто был мне дорог,
Пусть просят за того, кого люблю.
Мне с ним легко, надежно и бесценно.
Не жечь, не ждать, не бегать, просто жить.
Тебе помочь я вряд ли бы сумела...

Ну разве что игристого налить?

«Я иду по перрону...»

Я иду по перрону.
Каблуки и помада.
Ты опять не приехал.
Может быть, так и надо.
Может, мы разминулись
Не на час, а на годы,
Искушая друг друга
Ощущением свободы.
Вечный муж, вечный странник,
Бес в ребро как по нотам,
Ежедневные виски,
Рок-н-ролл по субботам.
Хохотушка, толстушка,
Нескромна, иронична,
Поэтесса немного,
Если это критично.
Никаких совпадений,
Нулевая совместность,
Целой жизни хватило,
Чтоб понять неуместность.
Каблукам – до свиданья
Прямо здесь, на перроне.
Ты уехал за счастьем
В опустевшем вагоне.

«Садись и слушай...»

Садись и слушай.
Совсем неважно,
Красивый, умный ты или отважный.
Левша, холерик,
Пилот, ученый, везде успевший,
Непосвященный.
Воспитан немкой, еврейкой, греком,
Одно лишь важно – быть человеком.
В поступках, мыслях, в любви и в горе.
Не потеряться в фальшивом флере.
Не мерить дружбу аршином лести,
Любить, чтоб душно, когда не вместе.
Сиди и слушай. У человека есть
Камертоны, чтоб пела дека,
Чтоб, улыбаясь, он не лукавил,
Был равнодушен к боям без правил.
Одно мерило, и не поспорить.
У человека должна быть совесть.

«Красивые женщины плачут...»

Красивые женщины плачут.
Негромко и редко назло.
К чему показные печали,
Когда уже раз повезло?
Зачем осложнять и пытаться
Судьбу испытать на слабо,
Когда знаешь толк в мацутаке
И любишь Шабли под тюрбо?
Красивые женщины любят.
Негромко и часто назло.
Уходят к крезам от любимых,
Чтоб больше не встать на крыло.
Красивые женщины знают
И истину, и естество,
У них выживаемость кошки,
В них правильное колдовство.
Красивые женщины помнят.
Они благодарны судьбе.
За все, что недополучили,
Но и недодали тебе.

«Божий промысел не бесконечен...»

Божий промысел не бесконечен,
У соломки есть годности срок.
Но мы лезем, толкаясь локтями,
И никак не усвоим урок.
Кунаки, оппоненты, коллеги —
Всем немедленно нужен гран-при.
Вызывающе сыты снаружи
И уныло убоги внутри.
Пересмешники, полулегалы,
Постояльцы насиженных мест,
Аудиенции строго по списку,
Псевдорадостный праздник окрест.
Открываются новые двери,
Запирается старый засов,
Выпускницы снимаются в порно,
Не мечтая о принцах из снов.
Принцы очень нежны и коварны,
В автопоиске жизни без бед.
Вместо книг процедуры и барбер,
Хотя кстати бы был логопед.
Не ревную и не осуждаю,
Но рискую попасться на лжи.
И поэтому смилуйся, Боже,

И соломки еще подложи!

«Собаки лают, караван идет...»

Собаки лают, караван идет,
Наверное, пора примкнуть к последним.
Уж лучше спрятать голову в песок,
Чем потакать иллюзиям и бредням.
Пески зыбучи, ветры горячи,
Не всем воды достанет на привале,
Тому, кто в спешке забывает жить,
Каюром стать начертано едва ли.
Горшки обжечь для Бога пустяки,
Но каждому – по силе и призванью.
Поэтому он судьбами вершит,
А кто-то нежно предан вышиванью.
Когда-нибудь неспешный караван
Достигнет утром точки невозврата.
Ты повернешься медленно в седле,
А миражи растаяли куда-то.

«Погадай мне на кофейной гуще...»

Погадай мне на кофейной гуще,
Старая цыганка,
Я сдаюсь.

Нет ни сил, ни воли, ни желанья
Прогонять нахлынувшую грусть.
Посмотри на линий перепутье
На ладони, собранной в кулак,
Может, скажут, где я оступилась
И зачем все делаю не так.

Разложи колоду на удачу,
Мне бы хоть надежду на нее,
Ухвачу за хвост и сразу спрячу,
Чтоб не налетело воронье.

Дай, цыганка, мне хмельного зелья,
Чтобы не забыться, но забыть,
Повяжи на хрупкое запястье
Красную спасительную нить.

Научи меня шальному танцу,
Он, как кьянти, разжигает кровь.
Табор каждый раз уходит в небо,
Забирая жгуду и любовь.

Пасха

Воскрес. В душе, в молитвах, в сердце.
Как будто нет двух тысяч лет.
Я с ним беседую о Боге,
Пытаясь получить ответ.
Как жить безгрешно среди стаи,
С волками жить, по-волчьи выть.
Как близкого найти вначале,
Чтоб после как себя любить.
Как не растрачивать напрасно
Себя на мелочи и вздор.
Как вымолить его прощенье за тех,
Кто вынес приговор.
Не искушаться, не лукавить,
Унять гордыню, сбавить спесь.
И верить, этот день настанет.
Узнаем, истинно воскрес!

«Сколько раз начинаю...»

Сколько раз начинаю
И снова бросаю я этот пасьянс.
Не постичь мне тебя, не понять, не выходит.
В каждой клеточке ребуса
Хочется ставить пробел,
И опять в голове чепуха по ночам колобродит.
Подбираю слова, подбираю
Ключи и семь нот.
Пробираюсь по тонкому льду осторожно.
Если просто прижаться к щеке
И молчать, твои мысли прочесть
И добраться до сути возможно.
Только въедливость – очень упорная дрянь,
Разъедает внутри,
Заставляя копаться в причинах.
И я снова и снова пытаюсь тебя разгадать,
Невзирая на страх оказаться на старых руинах.

«Мальчик с грустными глазами...»

Мальчик с грустными глазами,
Что с тобой, красивым, стало,
Сколько юных, любопытных
В эти сети попадало?
Сколько их, прекрасных,
Дерзких, так надеялись на
Чудо, стать волшебной
Героиней в рамках твоего этюда.
Сколько умных, недалеких,
Православных, атеисток
Ждали княжеских поступков,
В роли энженю, статисток.
И над этим Вавилоном
Или рядом, первым с края,
Ты парил, красивый, грустный,
Слезы счастья утирая.
Отболело, протрезвело
Это племя молодое,
Мальчик с грустными глазами,
Где ты, с кем ты, что с тобою?
Ни отец, ни муж, ни инок,
Непрощенный и забытый.
Трон пустует твой в кладовке,
Пылью звездною покрытый.

СЫНОВЬЯМ

Золушка, Огниво, Репка, Винни Пух.
Ты в обнимку с зайцем, я читаю вслух.
Ты пока не знаешь, кем хотел бы стать,
Я в своих мечтаньях – космонавта мать.
Первый раз на море с зайцем и горшком.
Ты на папе едешь, сзади я пешком.
Первый класс, линейка, в кулачке букет,
Ты теперь серьезный, мне покоя нет.
Первые влюбленность и бокал вина.
Я не в круге первом, не приглашена.
С бабушкой простились, вместе курим «Кент».
В этом единенье – первоэлемент.
Рано заяц спрятан, рано сужен круг,
Эта неизбежность не случилась вдруг.
Репку без мышонка было не сорвать,
Навещай почаще космонавта мать.

Маски сброшены

Маски сброшены,
Вожжи отпущены.
И мосты сожжены до опор.
Никаких полонезов
И книксенов,
Только потуги, только хардкор.
Неразбавленный джин.
Не поморщившись,
Пересоленный стейк,
No well done.
Выбирай для дуэли оружие:
Лук, рогатку, кураре, наган.
Секундантов из бывших,
Проверенных,
Чтоб сумели добить, если вдруг.
После промаха бьем до последнего,
Невзирая на тяжесть заслуг.
Я не буду ни жертвой,
Ни порщиком,
Не прощу, но не буду стрелять.
Отложи яд и стрелы на полочку,
Я же крепче сожму рукоять.

Какого цвета счастье

Вы спросите меня: какого цвета счастье?
Прозрачное оно? А может, как туман, что
Заполняет луг, пропахший мокрым сеном,
И можно пить его, налив в большой стакан.
Вы спросите меня: какого цвета радость —
Из стеклышек цветных в витражном полотне?
А может, из лучей проснувшегося солнца,
Танцующих бостон на заспанном окне...
Вы спросите меня: любовь какого цвета?
Она всегда пожар и лава из огня?
А может быть, она как бархатное небо,
Когда настанет ночь, допив остатки дня...
Вы спросите меня: какого цвета горе?
Как черный океан, как бездна в никуда?
А может быть, оно как крик подбитой птицы,
Когда ее птенцы упали из гнезда.
Вы спросите меня: вся жизнь какого цвета?
В калейдоскопе дней меняются тона.
А жизнь течет рекой безбрежной и бескрайней,
И, может, потому прозрачная она.

Еще совсем немного и смиримся

Когда мне окончательно наскучат
Куплеты про «немного подождать»,
Я выскажу все то, что наболело,
Оденусь потеплей и сяду ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.